

Императорская милость недолговечна: стоит лишь раз сказать не то слово, и ты уже выброшен, словно изношенная обувь, а на твое место тут же спешат другие.

Если в прошлый раз Сюй Цинцзи видел, что Тун Цзыгэ, хоть и покрыт ранами, сохраняет здравый рассудок, то теперь, глядя на него, он явно почувствовал: с юношей что-то не так. В гареме судачили, мол, благородная госпожа Тун просто не вынесла удара судьбы, лишившись расположения Императора, но на деле причина была иной.

Дворец был полон ослепительных красавиц, и, по мнению Тун Цзыгэ, каждая из них была лучше него. Он лишь никак не мог взять в толк, почему женщины, снискавшие милость, с таким нетерпением стремятся прийти к нему, чтобы осыпать насмешками и колкостями. Неужели Император не бьет женщин? Он не знал ответа и не желал в этом разбираться. Те слова, что были сказаны на ложе среди бела дня, вызывали у него тошноту; он не мог оставаться здесь ни минуты. Конечно, то, что Император перестал к нему приходить — благо, но он не хотел прислуживать этому капризному тирану. Он хотел лишь одного — вернуться домой.

Лекарь Сюй пришел во дворец вместе со своим наставником, Главным лекарем Каном. Увидев, в каком состоянии находится Тун Цзыгэ, он преисполнился тревоги и жалости. Тун Цзыгэ медленно поднял голову, его взгляд сфокусировался на Лекаре Сюе. Лишь спустя долгое время он словно узнал его, губы едва заметно дрогнули, но вырвался лишь тихий, слабый вздох.

Заметив это, Главный лекарь Кан сделал шаг вперед и невозмутимо произнес:

— Позвольте мне осмотреть благородную госпожу.

После тщательного осмотра брови Главного лекаря Кана нахмурились — в его голове уже сложилась картина. Он быстро выписал рецепт, передал его стоявшему рядом евнуху и приказал в точности следовать указаниям при приготовлении отвара. Затем Главный лекарь Кан уложил инструменты в ящик, отвесил Тун Цзыгэ легкий поклон и, жестом подождав Лекаря Сюя, собрался уходить.

В этот момент, пользуясь тем, что никто не смотрит, Лекарь Сюй незаметно вложил заранее приготовленное тайное письмо в руку Лань Синь, личной служанки Тун Цзыгэ. Лань Синь все поняла без слов и невозмутимо спрятала послание в рукав. Лекарь Сюй взглянул на нее с решимостью и надеждой — хоть он и не проронил ни звука, все было ясно без лишних слов.

Наступила ночь. Императорский дворец погрузился в тишину и мрак. В покоях Тун Цзыгэ дрожали огни свечей, отбрасывая на стены тревожные тени, полные одиночества и скорби. Император по-прежнему не присылал за ним, казалось, юноша был окончательно забыт в дальнем углу дворца.

Тун Цзыгэ сидел перед зеркалом с пустым, решительным взглядом. Он медленно поднял руки, начав снимать украшения. Золотые шпильки, нефритовые заколки, жемчужные серьги — всё это с тихим стуком ложилось на туалетный столик, и в ночной тишине этот звук казался оглушительным. Его движения были механическими и вялыми, словно он стал куклой,

лишенной души и действующей строго по программе.

Затем он встал, сбросил тяжелые, роскошные парадные одежды, достал из сундука белое нижнее платье, надел его, а поверх накинул халат для сна. Он достал таблетку мнимой смерти, присланную Сюй Цинцзи. Она перекатывалась на его ладони, источая слабый аптечный запах, в котором чудилось дыхание самой смерти.

Не колеблясь, он положил таблетку в рот и проглотил ее. Горечь разлилась по языку, но он словно не чувствовал ее. Он молча подошел к кровати, лег и накрылся одеялом. Его тело начало мелко дрожать — от страха или от грядущей невыносимой боли.

Вскоре на него обрушилась волна нестерпаемых мук. Желудок словно разрывали и скручивали тысячи невидимых рук. Боль была такой силы, что хотелось свернуться в клубок, но он лишь крепко закусил нижнюю губу, пока не выступила кровь. Лоб покрылся крупными каплями пота, которые стекали по щекам, пропитывая подушку. Все жилы в теле горели, словно в огне, или коченели, словно во льду; чередование жара и холода заставляло его быть на грани помешательства. Его руки вцепились в одеяло так сильно, что суставы побелели, а из горла вырывались лишь глухие стоны. Тем не менее взгляд его был устремлен в полог кровати, а в душе он беззвучно молил, чтобы все поскорее закончилось — смерть ли, возрождение ли, он не желал больше знать этой дворцовой жизни, лишь жаждал полного освобождения.

В тот последний миг, когда боль, словно бушующий океан, готовилась поглотить его целиком, сознание Тун Цыгэ из последних сил ухватило за крупицу воспоминаний о доме. Он отчаянно рисовал в воображении картины родного очага: полог кровати казался ему безопасной гаванью, а строгий, но любящий лик отца и нежный, обеспокоенный взгляд матери были единственной опорой для его духа. Он беззвучно кричал в глубине души, жаждая вырваться из этого бесконечного кошмара, чтобы, открыв глаза, вернуться в тепло их объятий.

Время будто застыло, каждая секунда под гнетом боли растягивалась в вечность.

Наконец, острая колющая боль от серебряной иглы вырвала его с края забвения. Он широко открыл глаза, тяжело дыша.

Как? Почему он все еще под пологом кровати в своих покоях?

Его сухие глазные яблоки беспомощно вращались. Перед ним было не то место, о котором он грезил, не было теплого полога, не было любящих лиц родителей. Вместо этого он увидел лицо, которое преследовало его в кошмарах каждую ночь.

— Моя благородная госпожа Тун, а смелости тебе не занимать.

Тун Цыгэ почувствовал, как кровь застывает в жилах, а по телу разливается леденящий холод. Его начало неконтролируемо бить дрожью, зубы застучали.

Все кончено. Все кончено...

<http://bllate.org/book/22353/2342725>